

Коммунизм и Индивидуализм

Комментарий к статье Неттлау

Эррико Малатеста

1 апреля 1926

Статья Неттлау, воспроизведённая выше, — проникнутая, как она есть, широким духом свободы и солидарности и горячей любовью к делу Анархизма, — заслуживает и требует некоторых комментариев.

Неттлау утверждает, что причина или, по крайней мере, одна из причин того, что после стольких лет пропаганды, борьбы и жертв анархизм до сих пор не смог увлечь огромные массы людей и вдохновить их на восстание заключается в том, что анархисты двух течений — коммунистического и индивидуалистического — выдвинули свои собственные экономические теории как единственное решение социальной проблемы, в результате чего не сумели убедить людей, что их идеи вообще осуществимы.

Я искренне считаю, что основная причина нашей неудачи связана с тем, что в существующих условиях — то есть в данных нам материальных и моральных обстоятельствах, где массы трудящихся и нерабочие, но всё равно вовлечённые в созидание благ, страдают от одной и той же общественной организации — наша пропаганда может иметь лишь ограниченное влияние, а в некоторых крайне плачевных местах и среди наиболее терзаемых физической и моральной нищетой слоёв населения — вообще не оказывать никакого. Я убеждён, что только при изменении текущей среды, когда она станет более благоприятной для нас (подобное иногда может произойти в революционное время и только благодаря нашим собственным усилиям), наши идеи будут завоевывать всё большее число людей и повышать вероятность их практического воплощения. Разделение на коммунистов и индивидуалистов мало относится к этому, поскольку оно интересует лишь тех, кто уже является анархистом, или незначительное меньшинство потенциальных анархистов.

Но тем не менее верно, что полемика между индивидуалистами и коммунистами часто отнимала у нас много сил. Она мешала, даже когда это было возможно, развитию искреннего и братского сотрудничества между всеми анархистами и вносила раздоры среди тех, кто, если бы они были едины, присоединился бы к нам из-за нашей страстной любви к свободе. Поэтому Неттлау не зря отстаивает достижение согласия между анархистами и показывает, что для наступления настоящей свободы, то есть анархии, должна существовать возможность выбора, где каждый имеет возможность устроить свою жизнь так, как ему удобно, будь он сторонником ком-

мунистического или индивидуалистического анархизма, или какой угодно степени или какой угодно смеси того и другого.

Но Неттлау, на мой взгляд, ошибается, полагая, что различия между анархистами, называющими себя коммунистами, и теми, кто называет себя индивидуалистами, действительно основаны на том, как каждый из них представляет себе экономическую жизнь (производство и распределение продуктов) в анархическом обществе. В конце концов, это вопросы, касающиеся далёкого будущего; и если верно, что идеал как конечная цель – это маяк, который направляет или должен направлять поведение людей, то ещё более верно, что больше всего согласие и несогласие между людьми определяет не то, что мы хотим делать завтра, а то, что мы делаем и хотим сделать сегодня. Как правило, мы лучше ладим и больше заинтересованы в том, чтобы ладить с попутчиками, идущими тем же путём, что и мы, но преследующими другие цели, чем с теми, кто, хотя и говорит, что хочет добраться туда же, куда и мы, но идёт противоположной дорогой! Так сложилось, что анархисты разных направлений, несмотря на то, что в принципе стремятся к одному и тому же, в повседневной жизни и своей пропаганде оказываются в жесткой оппозиции друг к другу.

Учитывая основополагающий принцип анархизма, что никто не должен желать и иметь средства угнетать других и заставлять их работать на себя, то становится очевидно, что анархизм допускает все и только те формы жизненного устройства, которые уважают свободу и признают за каждым человеком равное право пользоваться благами природы и продуктами своей собственной деятельности.

Для анархистов неоспорим тот факт, что реальным, конкретным созданием, обладающим сознанием, которое чувствует, страдает и радуется, является личность и что Общество, будучи далеко не первостепенным по отношению к личности, является инструментом и её слугой. Общество должно быть не более чем союзом объединённых мужчин и женщин ради всеобщего блага. И с этой точки зрения можно сказать, что мы все индивидуалисты.

Но для того чтобы быть анархистами, недостаточно просто стремиться к освобождению отдельного человека. Мы должны стремиться к освобождению всех. Недостаточно восстать против угнетения. Мы также должны отказаться быть угнетателями. Мы должны понять, какие естественные и желанные узы солидарности связывают человечество, любить своих ближних и испытывать душевную боль при виде тяжких мук окружающих нас людей. И это вопрос не экономики, а вопрос чувств или, как его теоретически называют, вопрос этики.

Такие принципы и чувства, несмотря на некоторые различия в выражающих их формулировках, являются общими для всех анархистов. Следовательно, суть заключается в том, чтобы найти такие решения практических проблем жизни, которые в наибольшей степени уважают свободу всех людей и удовлетворяют наши чувства любви и солидарности.

Анархисты, называющие себя коммунистами (и я отношусь к их числу), являются коммунистами не потому, что хотят навязать свой личный взгляд на мир или считают его единственным средством спасения, а потому, что они убеждены и будут убеждаться дальше, если не появятся доказательства обратного, что чем больше мужчин и женщин объединено в товарищества и чем теснее их сотрудничество друг с другом, тем большим будет благосостояние и свобода их всех. Они считают, что даже там, где

люди освободились от человеческого гнёта, они по-прежнему подвержены воздействию враждебных сил природы, которые они не могут преодолеть самостоятельно, но которые они могут контролировать и превратить в средства своего благополучия с помощью сотрудничества с другими людьми. Человек, желающий удовлетворить свои материальные потребности собственным трудом, становится в конце концов его рабом. Так, например, крестьянин, желающий в одиночку обрабатывать участок земли, отказывается от всех преимуществ кооперации и тем самым обрекает себя на жалкую жизнь: он не знает ни отдыха, ни путешествий, ни учёбы, ни контактов с многообразной жизнью обширных человеческих сообществ... ни возможности всегда утолить свой голод.

Глупо думать, что некоторые анархисты, называющие себя коммунистами, хотят жить как в монастыре, подчиняясь общему режиму однообразного питания, одежды и так далее. Но столь же абсурдно было бы думать, что они стремятся делать всё то, что хотят, не считаясь с нуждами и правами других на равную свободу. Всем известно, например, что Кропоткин, один из самых пылких и красноречивых пропагандистов коммунизма, был в то же время великим апостолом независимости личности, страстно желая, чтобы каждый мог свободно развивать и удовлетворять свои художественные предпочтения, посвящать себя научным исследованиям и находить средства гармоничного объединения ручного и умственного труда, чтобы каждый человек смог стать личностью в самом возвышенном смысле этого слова.

Кроме того, коммунисты (анархистского толка) считают, что из-за естественных различий в плодородии, здоровье и расположении почвы невозможно обеспечить каждому человеку равные условия труда. В то же время они осознают огромные трудности, связанные с осуществлением на практике всеобщего вольного коммунизма, который они считают высшим идеалом освобождённого и объединённого в товарищества человечества. Поэтому они пришли к выводу, который можно выразить следующим образом: чем вероятнее коммунизм, тем вероятнее индивидуализм – тем возможнее наибольшая солидарность для наслаждения наибольшей свободой.

С другой стороны, индивидуалисты (я говорю, разумеется, всё время об анархистах) – из реакции против авторитарного коммунизма – первой в истории концепции, представшей перед человечеством в виде рационального и справедливого общества и повлиявшей в той или иной степени на все последующие *утопии* и попытки их практического воплощения – из реакции, говорю я, против авторитарного коммунизма, который во имя равенства препятствует развитию и существенно умаляет человеческую личность, придали наибольшее значение абстрактному понятию свободы и не учитывают, что реальная, конкретная свобода – это результат солидарности и добровольного сотрудничества. Было бы несправедливо считать, что индивидуалисты стремятся лишить себя преимуществ сотрудничества и обречь себя на абсурдное отшельничество. Они, безусловно, согласны, что работать в одиночку неэффективно и что человек, чтобы обеспечить себе материальное благополучие и возможность наслаждаться всеми благами цивилизации, должен либо прямо или косвенно эксплуатировать чужой труд и наживаться на нищете трудящихся, либо объединиться со своими товарищами и делить с ними все тяготы и радости жизни. А поскольку, будучи анархистами, они не могут допустить эксплуатации одних другими, они неизбежно должны согласиться с тем, что для того, чтобы быть свободными

и жить полноценно как люди, они должны принять ту или иную степень и форму вольного коммунизма.

Поэтому в экономической области, где, по-видимому, и коммунисты и индивидуалисты расходятся во мнениях, примирение должно быть быстро достигнуто путём совместной борьбы за условия истинной свободы, а затем с помощью предоставления каждому свободы в решении практических проблем жизни. Дискуссии, исследования, теории и даже конфликты между различными течениями – всё это послужит нам положительным опытом совместного творчества, столь необходимого для подготовки к решению будущих задач.

Но почему же, если в экономическом вопросе различия незначительны и легко преодолимы, между теми, кто, как утверждает Неттлау, столь близок друг к другу по своим стремлениям и идеалам, возникают постоянно конфликты, переходящие иногда в откровенную вражду?

Как я уже отмечал ранее, разногласия по поводу будущего экономического устройства общества не являются реальной причиной этого стойкого раскола, который, скорее, провоцируют и поддерживают более важные и, прежде всего, более актуальные раздоры по морально-политическим вопросам.

Я не говорю о тех, кто называет себя анархо-индивидуалистами из-за самых гнусных буржуазных побуждений, полных ненависти к человечеству, равнодушия к страданиям других и желаний господствовать над всеми. Не говорю я и о тех, кто называет себя анархо-коммунистами, но по сути своей являются глубоко авторитарными людьми, считающими себя обладателями абсолютной истины и единственными, кто имеет право навязывать её всем остальным.

Коммунисты и индивидуалисты часто совершают ошибку, принимая и признавая своими товарищами тех, кто имеет с ними только внешнее сходство во фразеологии и риторике.

Я же говорю о тех, кого считаю настоящими анархистами. Таких анархистов разделяют разногласия по многим вопросам, имеющим реальное и актуальное значение. Многие из них, как правило чисто из-за привычки, причисляются к коммунистам или индивидуалистам даже без детального рассмотрения их взглядов относительно будущего общества.

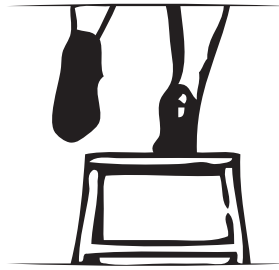
Среди анархистов есть революционеры, которые считают, что насилие, поддерживающее существующий порядок, должно быть побеждено насилием с целью создания условий для свободного развития личности и общества; а есть просветители, считающие, что социальные изменения возможны только благодаря изменению духовного склада личности через образование и пропаганду. Есть также сторонники непротивления злу насилием или сторонники пассивного сопротивления, которые отказываются от насилия даже в тех случаях, когда оно служит в качестве самообороны. Есть и те, кто признаёт необходимость насилия, но расходятся во мнениях относительно характера, масштабов и границ этого насилия. Существуют разногласия по поводу отношения анархистов к профсоюзному движению; разногласия по вопросу о собственной анархистской организации или отрицания любых форм организации. Анархисты также постоянно или спорадически расходятся во мнениях по поводу взаимоотношений анархистов с другими революционными организациями.

Именно по этим и подобным проблемам нам необходимо прийти к взаимопониманию, а если, как мне кажется, выяснится, что прийти к согласию невозможно, то нужно научиться терпимо относиться друг к другу. Если согласие достижимо – работать вместе, а если нет – позволять каждому действовать так, как он считает нужным, не вмешиваясь в деятельность друг друга.

В конце концов, если так задуматься, то никто не может быть всегда полностью уверенным в собственной правоте. Все когда-то в чём-то ошибаются.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Коммунизм и Индивидуализм
Комментарий к статье Неттлау
1 апреля 1926

Pensiero e Volontà, год 3-й, №4
Изначальный перевод с английского Дениса Хромого, но мы нашли итальянский
оригинал и перевели его. Изменения незначительны.

ru.anarchistlibraries.net